

Культура. — 1994. — 20 авг. — с. 10

КОНИ, САБЛИ

ПОЛЬСКИЙ
ПЛАКАТ:
ЖИВ ЛИ ОН?

«Я никогда не интересовался тем, сколько я сделал плакатов вообще. Важно знать, сколько сделано хороших», — говорит Тадеуш Иодловский. Мы ведем беседу в его варшавской мастерской. Сквозь огромную стеклянную стену вливается поток летнего света: в предыдущей мастерской окон не было в помине, и теперь словно взят реванш за надоевшую темноту. На опорных столбах, разделяющих пространство мастерской на несколько помещений, цветы в горшках на фоне белых стен. Их светлый тон оттеняют книжные полки, красные свечи и праздничный наряд народных игрушек, купленных на ярмарках и привезенных из творческих поездок за рубеж. Деревянные, глиняные кони и петухи мирно соседствуют с расписными ложками и русскими матрешками. Польское народное искусство — один из источников вдохновения Тадеуша Иодловского — классика современного плаката Польши.

Польский плакат... Возрожденный в годы войны, он стал как бы пластически образным выражением начальной строки государственного гимна «Еще Польша не погибла, пока мы живы». В первое же послевоенное десятилетие юная Польская Народная Республика покорила весь мир своим плакатом. Жар души народа, романтизм его характера, природный юмор, смелость мышления — все, что не сломали шесть лет оккупации, воплотилось в плакате с бравурной красочностью и захватывающим динамизмом. Среди создателей школы польского плаката были блистательные мастера. Москва помнит персональные выставки работ Тадеуша Гроновского, Вальдемара Свежего, Марека Мосиньского, Юзефа Мрошцака. Последней по времени стала экспозиция произведений Тадеуша Иодловского, устроенная в залах ЦДХ несколько лет назад. Все наши знаменитые плакатисты с нескрываемым почтением осматривали выставку, хотя, казалось бы, многолетнее знакомство и профессиональная дружба давно стерли грани возраста и общественного положения. Но скрытое понимание ранга таланта осталось. Именно о них, о своих московских коллегах, и начал меня расспрашивать Тадеуш, сервируя стол. А чистота и порядок обширной мастерской напомнили мне скорее респек-

табельный офис, чем холодное жилье давным-давно семейного плакатиста. Но здесь Тадеуш живет один. Этажом ниже — «родственная» квартира, там сын с невесткой и две внучки. В соседнем доме — громадные апартаменты жены, умело превращенные в барские покои дворянского особняка минувших эпох. В покоях царит потомственная русская дворянка (по материнской линии) художница Ванда Ведецкая и ее роскошные картины с изображением букетов. Цветы написаны в мажорном ритме, и в их колористическом звучании угадываются отголоски русского темперамента хозяйки дома. Визит к Ванде Ведецкой еще впереди, а пока мы смотрим плакаты Тадеуша, разложив их на длинных столах. Убранство квартиры — мастерской Иодловского органично сочетает современный стиль со старопольской атмосферой шляхетского поместья. На стенах — сабли, грозное холодное оружие, унесшее немало человеческих жизней, и старинные портреты, запечатлевшие эту жизнь в ярких образах живших когда-то людей. С портретов на нас горделиво视рают далекие предки. Среди них один голубоглазый и откровенно рыжеватый паразитально похож на самого хозяина. Перехватив мой взгляд, Тадеуш улыбается: — Этот достойный шляхтич

носил ту же фамилию, что и я, хотя нас разделяют столетия. Наша родословная уходит корнями в XVI век. Первое упоминание относится к 1562 году и связано с Яном Иодловским, светским представителем женского монастыря в Старом Сонче. Двое из нашего рода вписали свои имена в историю Ягеллонского университета в Кракове. Вообще Иодловские — это бедная шляхта горных районов, где не было богатых имений и больших земельных наделов. — Тадеуш, в твоём увлекательном эссе в родословную века следуют один за другим, словно пытки отрывного календаря. Скажи, как ты ощущаешь тяжелую поступь времени! Ведь если я не ошибаюсь, то через два года ты отметишь юбилей!

— Ты намекаешь на мое 70-летие? Эта дата пока маячит где-то за горизонтом. А время для плакатистов летит стремительно, как для газетчиков. Это скульпторы ощущают его тяжелую поступь, потому что работают с тяжелыми материалами. Для меня время определяется событиями и людьми. Когда началась оккупация Польши, мне шел пятнадцатый год. Всех моих сверстников война сразу сделала взрослыми. Я начал работать дровосеком в лесу под Бохней в Пуцце Неполомицкой. Потом ходил на подготовительные курсы школы,

Культура. — 1994. — 20 авг. — с. 11

И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Органическая связь с краковской школой плаката ощущается вплоть до сегодняшнего дня в живописности колорита, в графической избирательности, в умении превратить любую тему в художественное произведение. — Видишь ли, плакатист всю жизнь только и делает, что занимается превращениями предметов и явлений в пластический знак, в символ или в метафору. Ну а жизнь сама превращает нас из студента в ассистента, из адъюнкта в доцента и в профессора. Таков мой путь в Варшавской академии художеств, начиная с 1954 года, где я работаю по сей день. Так что нынешний год для меня юбилейный: сорок лет минуло с тех пор, как я приехал в Варшаву. Меня пригласили в самое престижное художественно-графическое издательство, сокращенно — ВАГ и почти одновременно — в Академию художеств, но жить было нелегко. Я ночевал в редакции ВАГа — спал на полу, расстелив комплекты плакатов, спал на столе, а утром садился за этот стол работать. Годы военной конспирации многому научили: мало кто в редакции ВАГа подозревал, что я там не только работаю, но и живу. Отсюда моя привычка к чистоте и порядку: я заметал следы в прямом и в переносном смысле. Ну а та незаконная комнатуха-мастерская появилась много позднее.

Такая бивуачная жизнь, видимо, была мне напророчена дядей-кавалеристом. С детства я ездил к нему в полк, восхищаясь выездкой породистых коней. Дядя-кавалерист коллекционировал старинное оружие. Будучи бездетным, часто говорил мне: «Все эти сабли и кинжалы останутся тебе в наследство, ведь в нашем роду ты единственный мальчик». Думаю, что дядя мечтал о моей военной карьере и мысленно видел меня на коне с саблей в руках. Но его мечтания перечеркнула война; когда началась оккупация Польши фашистами, всю коллекцию разграбили. А меня увлекла другая стихия: вместо кавалериста я стал плакатистом. Но воспоминания тех лет неизгладимы. — Так вот откуда у тебя, Тадеуш, возник типично польский культ коня и сабли: он наследственный! Твои кавалеристские воспоминания возродились в образах белых коней на красном ковре манежа — плакат «Цирк»; в остром клинке с коронной вместо рукояти — плакат «Макбет»; в звенящей от сабельных ударов атмосфере напряженного поединка — плакат «X Международный командный турнир по сабле». Значит, лучшие твои плакаты — это словно закодированные страницы собственной биографии! Призы и награды стали следствием одна за другой.

Твое стремительное завоевание вершин плакатного Олимпа можно сравнить с внезапным маршем-броском потомственного кавалериста. Всего за пять лет из никому не известного ассистента ты превратился в знаменитого плакатиста! Если вести отчет от первой победы на Общепольском конкурсе, то этот год для тебя вдвойне юбилейный. За сорок лет — сотни выставок в стране и на всех континентах планеты. Можно сказать, что в чем-то надежды дяди-кавалериста оправдались: хотя конником ты не стал, но ловким ударом выбиваешь соперников из седла на отечественных и международных встречах — выставках плакатов. И кто бы мог подумать, что за внешностью тихого интеллигента скрывается такой отъявленный вояка!

— Жизнь, как ты догадываешься, совершает ошеломляющие, поистине цирковые превращения. А плакатист, если он хочет быть профессионалом, обязан найти для них адекватную художественную форму. Каждый день работая над очередным плакатом, стремишься к созданию знаков-символов, то поэтически возвышенных, то гротесково-сатирических, то насмешливо-иронических, то занимательных и загадочных, развлекательных и предостерегающих.

Плакат многолик, как сама жизнь. В то время, когда я начинал, политический плакат был ведущим: так называемые культурный, спортивный, плакат по безопасности труда, рекламный уступали ему пальму первенства. Неоценимую поддержку оказали плакату театр и кино, там свобода творчества была почти бесконтрольной, там шел азартный эксперимент в поисках новых форм. Ведь плакатом в 50—60-е годы увлеклись, как спортом.

— Я хорошо помню, Тадеуш, тот грандиозный успех, который сопровождал каждую выставку польского плаката у нас в стране. Думаю, не ошибусь, сказав, что он был популярен так же, как польское кино, как фильмы Анджея Вайды. — Вайда — мой коллега по Краковской академии художеств. Может, он стал таким знаменитым кинорежиссером потому, что учился у прославленных художников, прежде

чем освоил новую профессию. Здесь истоки его органической связи с отечественной культурой. — И твои, Тадеуш, тоже. Когда треть века назад я впервые пришла в ВАГ, ты заведовал редакцией культурного плаката. Театр, кино, художественные выставки находили горячий отклик в твоём творчестве и, конечно же, цирк. В цирковой афише, столь тобой любимой, ты просто неистощим на выдумки. Ты жонглируешь изображениями львов и тигров с виртуозным мастерством, под стать лучшим артистам арены. Только человек, влюбленный в цирк, мог придумать такие афиши. Они, подобно твоим плакатам «Варшавская осень», посвященному VIII Международному фестивалю современной музыки в Варшаве, практически не стареют. Время не властно над ними, столько в них жизни, яркой и праздничной. Их можно печатать каждый новый сезон, как театральные афиши «Аиды» и «Бориса Годунова». Но скажи, как случилось, что польский плакат почти перестал существовать!

— Причин тому немало, односложно не ответишь. Давай отложим этот тяжелый разговор до осени. Сейчас мы возрождаем утраченные традиции в организации смотров плакатного искусства. Готовимся к открытию Биеннале плаката. Печатаются роскошный каталог. Будущее покажет, вернутся ли плакатисты в плакат, а пока их спасает универсальное владение мастерством, начиная от преподавательской деятельности в стране и за ее пределами. Ты знаешь, что некоторые наши мастера живут во Франции и Англии, в США, так что ренг польского плакатиста еще высок. Старая гвардия не сдаётся.

Людмила УРАЗОВА.
ВАРШАВА — МОСКВА.
● Плакаты Т. Иодловского: «Князь Игорь», «Цирк», «Орфей в аду».

